

Э. ЭГЕБЕРГ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО В НОРВЕГИИ И ДАНИИ

На протяжении четырехсот лет Дания и Норвегия составляли единое государство, но и после расторжения датско-норвежской унии в 1814 г. датский язык около века оставался литературным языком Норвегии. В 1907, 1917 и 1938 гг. в Норвегии были осуществлены реформы в орфографии, подчеркивающие норвежские морфологические и фонетические особенности, но тем не менее и сегодня датчане и норвежцы без труда могут читать книги, изданные на датском или норвежском языках. Стоит отметить, что долгое время Копенгаген снабжал Норвегию книгами; и лишь в начале прошлого века в Кристиании (ныне Осло) появились первые крупные норвежские издательства. Эти обстоятельства нужно иметь в виду, когда речь идет о науке и культуре Дании и Норвегии.

Первый русский роман, изданный на норвежском языке — это роман Достоевского «Преступление и наказание», он вышел в 1883 г. в переводе с немецкого, однако прошло немало времени, пока не появилось первое норвежское исследование творчества Достоевского. Причина заключалась в том, что в стране не было достаточного числа филологов, способных освоить произведения русского писателя на языке оригинала, анализировать его творческое наследие. Здесь отметим труды проф. Олафа Брока (Olaf Broch), языковеда, специалиста по фонетике, служившего в университете в Осло с 1896 г., который много сделал в области популяризации лучших произведений русской литературы. Обладая большой эрудицией и в совершенстве владея русским языком, он занимался переводческой работой, плодами которой явились добротные норвежские версии «Анны Карениной» Л. Н. Толстого (1911) и «Братьев Карамазовых» Достоевского (1915; этот перевод переиздавался вплоть до начала 1990-х гг.).

Первую в Норвегии монографию о творчестве Достоевского написал Мартин Гран (Martin Gran) (1877–1938), преподаватель гимназии, талантливый русист-самоучка, который овладел русским языком самостоятельно, после завершения курса в университете. В 1922 г. в свет вышло его исследование «Творчество молодого Достоевского»¹. Книга

¹ Gran M. Dostojevskis ungdomsverker. Kristiania, 1922. 155 p.

Грана примечательна не только тем, что является одним из первых исследований, специально посвященных творчеству раннего Достоевского, но и тем, что она — первая норвежская докторская диссертация в области славянской филологии². О своем труде Гран пишет: «Задача данной работы — провести критический анализ творчества Достоевского в докаторжный период, чтобы доказать, что общепринятые оценки его творчества 1845–1849 гг. могут быть ошибочны, а их поверхностный характер обусловлен в частности тем, что в расчет берутся не столько вопросы творческого развития писателя, сколько различные побочные факторы. Невысокая оценка произведений раннего Достоевского связана с надуманной гипотезой о качественном изменении его мировоззрения во время сибирской каторги и ссылки. Данное исследование должно показать, что из ссылки вернулся не некий „новый Достоевский“, но в новую Россию (пришел или вернулся) тот же самый писатель, который был туда отправлен»³.

Исследование Грана построено по хронологическому принципу, каждой повести и рассказу, начиная с «Бедных людей» и кончая «Маленьким героем», уделяется глава или часть главы, в которой дается аналитическое описание композиции и сюжета произведения, особенностей поэтического языка. Особое внимание исследователь обратил на систему персонажей каждого из произведений, прежде всего на те черты, которые являются общими для творчества Достоевского раннего и послекаторжного периодов. В заключительной главе Гран приводит свои наблюдения в систему, обобщает и делает выводы, а также описывает ряд цитаций в рассматриваемых текстах из произведений О. де Бальзака, Жорж Санд, Э. Т. А. Гофмана и др. Несмотря на небольшие размеры, исследование Грана содержит немало точных наблюдений и верных выводов, которые имеют право на интерес к ним современных исследователей Достоевского.

Одновременно с исследованием Грана из печати вышел роман «Оттар Врейке», ставший дебютом молодого писателя Эрика Крага (Erik Krag) (1902–1987), представителя династии известных норвежских писателей⁴. Влияние Достоевского на автора этого произведения чувствуется едва ли не на каждой странице романа. Кроме того, в 1952 г. на сцене Национального театра Осло была поставлена его пьеса «Свадьба маленького человека»⁵, которая являлась инсценировкой рассказа Достоевского «Скверный анекдот». Однако своей основной професси-

---

² Вопрос о присвоении О. Броку ученой степени доктора оказался непростым: университет Кристиании, куда молодым ученым была подана диссертация, не смог из-за недостатка средств пригласить ранее намеченного официального оппонента, датчанина В. Томсена (Vilhelm Thomsen). Однако впоследствии Броку было присвоено звание почетного доктора Карлова университета (Прага).

³ *Gran M. Dostojevskis ungdomsverker*. P. 7.

⁴ *Krag E. Ottar Wreike*. Kristiania, 1922.

⁵ *Krag E. En liten manns bryllup*. Oslo, 1952.

ей Краг выбрал не искусство, а науку: в 1928 г. он стал магистром, а в 1932 г. — доктором философии, защитив диссертацию «Борьба против Запада в русской интеллектуальной жизни»⁶. С 1938 г. Краг в качестве доцента, а затем профессора университета Осло преподавал в нем русскую литературу. В 1934 г. им было опубликовано исследование раннего периода творчества Л. Н. Толстого (в том числе романа «Война и мир»), а в 1962 г. — монография «Достоевский»⁷. Важно отметить, что научный метод Крага не подразумевал включение в творческое наследие писателя его биографии: «вряд ли имеет смысл писать книгу, трактующую и биографию, и литературную деятельность писателя. <...> Я сделал свой выбор: речь пойдет о творчестве Достоевского»⁸.

В основу книги о Достоевском Краг положил лекции, прочитанные им в университете Осло в 1955–1957 гг. Они вызывали большой интерес не только у студентов и фактически превращались в публичные выступления. Книга Крага о Достоевском также была благожелательно встречена публикой, которая смогла познакомиться в ней с полным описанием творчества русского писателя за весь период его жизни. Краг детально исследует историю создания каждого произведения Достоевского, дает критический анализ отзывов современников о нем, анализирует место, которое заняло произведение в литературно-художественной жизни этого периода. Но особое внимание исследователя было обращено на идеологию и художественный метод писателя, его контекстуальные связи с мировой литературой. Своей популярностью книга обязана еще и тому, что из нее не исчезло то риторическое богатство, эмоциональное звучание авторского голоса, которые обеспечили Крагу успех во время чтения им университетских лекций о Достоевском. Успех этой книги подчеркивается тем, что в 1973 г. она вышла в английском переводе⁹.

К моменту, когда вышла в свет книга Крага, уже был издан на норвежском языке основательный, но недостаточно оцененный труд о Достоевском — небольшая монография «Достоевский и нигилизм» Сигурда Фастинга Якобсена (Sigurd Fasting Jacobsen) (1922–1982, с 1965 г. — С. Фастинг)¹⁰. В период работы над своим исследованием ее автор был сотрудником Бергенской университетской библиотеки, а с 1970 г. — первым профессором русского языка и литературы того же университета, где и служил вплоть до 1982 г., когда автомобильная катастрофа оборвала его жизнь. В начале 1980-х гг. Фастинг работал над дополненной и исправленной версией своей книги о Достоевском, которая затем была посмертно издана его другом Юстином Бёртнесом

⁶ *Krag E. Kampen mot Vesten i russisk åndsliv*. Oslo, 1932.

⁷ *Krag E. Dostojevskij*. Oslo, 1962. 380 p.

⁸ *Ibid.* P. 3.

⁹ *Krag E. Dostoevsky. The Literary Artist*. Oslo, 1976.

¹⁰ *Fasting Jacobsen S. Dostojevskij og nihilismen*. Bergen, 1956. 46 p.

(Jostein Bortnes) (род. 1937), который был в 1982–2007 гг. профессором Бергенского университета¹¹.

Своеобразие исследования Фастинга в обеих его версиях состоит в том, что автор в предельно сжатом виде сумел систематически описать мировоззрение Достоевского, его характерную систему ценностей, в центре которой находится моральный идеал Иисуса Христа. Книга была с большим энтузиазмом встречена читателем, а Брок выразил мнение, что ее автор заслуживает присуждения ему докторской степени. Ученую степень доктора Фастинг получил много позже, защитив диссертацию о В. Г. Белинском¹². Характерной чертой его исследований является умение привлекать к анализу широкий круг литературных и философских текстов; глубокая эрудиция автора и способность к научным обобщениям позволяют ему в сжатом и чрезвычайно информативном виде представить на должном уровне важнейшие черты творческого метода писателя.

Следует отметить, что число студентов, изучающих русский язык, стало заметно возрастать с начала 1960-х гг., и вокруг проф. Крага сформировалась группа молодых ученых, которые с энтузиазмом проводили различные научные мероприятия, связанные с изучением творчества Достоевского и других русских писателей, издавали научные сборники. В ряде случаев ими руководил проф. Гейр Хьетсо (Geir Kjetsaa) (1937–2008).

Важным событием, благотворно повлиявшим на изучение биографии и творчества Достоевского в Норвегии, стало учреждение в 1963 г. Международного общества Достоевского (The International Dostoevsky Society, IDS). Среди членов-основателей был и Фастинг, сумевший привлечь к сотрудничеству с Обществом молодых литературоведов: например, уже упомянутых Бёртнеса и Хьетсо (который был его вице-президентом с 1983 г.), Эрика Эгеберга (Erik Egeberg, род. 1941) (занимавшего должность исполнительного секретаря общества в 1989–2001 гг.) и ряд других.

После ухода проф. Крага в 1970 г. на заслуженный отдых кафедру русской литературы университета Осло занял проф. Хьетсо. В 1980 г. вышла его книга «Очищение через страдание» о романе «Братья Карамазовы»¹³. Продолжением основной идеи этой книги стала монография «Достоевский — жизнь писателя»¹⁴, которой было положено начало серии книг исследователя о русских писателях¹⁵. Книги этой серии, построенные по одинаковой композиционной схеме, сочетают

¹¹ *Fasting S. Dostojevskij / Utgitt med et forord av J. Bortnes.* Oslo, 1983. 111 p.

¹² *Fasting S. V. G. Belinskij. Die Entwicklung seiner Literaturtheorie.* Bergen, 1972.

¹³ *Kjetsaa G. Lutring gjennom lidelse. Om Dostojevskijs «Brødrene Karamazov».* Oslo, 1980. 103 p.

¹⁴ *Kjetsaa G. Dostojevskij — et dikterliv.* Oslo, 1985. 423 p. Книга переведена на ряд языков (английский, немецкий, испанский и др.).

¹⁵ О Гоголе (1990), Горьком (1994; рус. пер. 1997), Толстом (1999), Чехове (2004).

описание ключевых моментов творческого пути писателя с аналитическим рассмотрением смысла его произведений. Упомянутая книга Хьетсо о Достоевском, по мнению критики и публики, является лучшим норвежским исследованием творчества писателя. Очевидно, что богатая жизненными перипетиями жизнь писателя представляет собой привлекательный материал и для биографа, и для писателя, задумавшего создать биографический роман. В связи с этим следует заметить, что Хьетсо отрицательно относился к попыткам вольных интерпретаций фактов биографии Достоевского, ратуя за документальную точность в изложении обстоятельств жизни писателя. Кроме того, читатель книги Хьетсо не может не ощутить, что вопросы, которые в свое время волновали Достоевского, столь же важны и для его биографа. Именно это, по-видимому, дало повод Виктору Террасу (Victor Terras), бывшему вице-президенту IDS, назвать книгу Хьетсо «лучшим в мире описанием жизни и творчества Достоевского»¹⁶.

Особенностью научного метода Хьетсо является стремление к разработке максимально точных научных данных, это свойство привело его первым в Норвегии к изучению возможностей применения статистических методов в литературоведении. Вместе с группой коллег из скандинавских стран в 1981 г. он опубликовал книгу «Авторство „Тихого Дона“», где использование сравнительно-статистического анализа языка романа вместе с текстами Ф. Крюкова и произведениями М. Шолохова помогло решить сложный вопрос о принадлежности произведения перу Шолохова¹⁷. Позже те же методы Хьетсо применил для решения проблемы текстов, приписываемых Достоевскому. Проведенный им статистический анализ привлеченного материала показал, что исследуемые тексты составляют две довольно четко различимые группы, каждая из которых обладает набором характерных признаков, и только одну из них можно отнести к принадлежащим перу Достоевского¹⁸.

Стремление привлечь в гуманитарную науку больше точности побудило исследователя к скрупулезному изучению экземпляра Нового Завета, подаренного Достоевскому Н. Д. Фонвизиной в Тобольске. Впервые был сделан точный учетный анализ не только текста, но и разного рода помет, сделанных рукой писателя. Тем самым был образован банк научных данных, который оказал и служит сейчас основой для изучения того влияния, которое оказала книга на писателя во времена его десятилетней каторги и ссылки¹⁹.

Исследовательский метод Ю. Бёртнеса заметно отличается от метода его ровесника Хьетсо. Прежде чем переехать в Берген, Бёртнес несколько

---

¹⁶ Terras V. «The Idiot». An Interpretation. Boston, 1990. P. 99.

¹⁷ Kjetsaa G. et al. The Authorship of «The Quiet Don» // Slavica Norvegica. 1984. N 1.

¹⁸ Хьетсо Г. Принадлежность Достоевскому. К вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха» // Slavica Norvegica. 1986. Т. 4. 82 с.

¹⁹ Kjetsaa G. Dostoevsky and his New Testament // Slavica Norvegica. 1984. Vol. 3. 82 p.

лет преподавал общее литературоведение в университете Осло, затем русскую литературу в Кембриджском университете, одновременно работая над диссертацией о житийном жанре в древнерусской литературе²⁰. Исследование это, очевидно, не имело прямого тематического отношения к творчеству Достоевского, однако вместе с тем работа над диссертацией подготавливала исследователя к будущим достоевдоведческим «штудиям». Уже в одной из своих первых работ о писателе, статье «Алеша и новая жизнь»²¹, Бёртнес применяет опыт изучения русской агиографии в истолковании последнего романа Достоевского, тем самым предлагая новые направления в норвежском достоевдоведении. Итогом проведенной им работы стало доказательство принципиального сходства между литературным портретом главного героя «Братьев Карамазовых» и каноном древнерусских икон и житий святых. Несмотря на то что изучение творчества Достоевского является основной темой научных поисков Бёртнеса, он не подготовил большой монографии о творчестве писателя, опубликовав лишь два больших сборника своих статей: на норвежском языке — «Полифония и карнавал»²², на английском — «Поэзия прозы»²³.

Научная проблематика, которой посвящены вышеуказанные книги Бёртнеса, связана с историей и поэтикой русской литературы, в том числе произведений Достоевского. В статье «Религия и искусство в русском романе» автор уделяет особое внимание поздним романам Достоевского, в тексте которых Бёртнес выявляет повторяющуюся поэтическую символику — «жизнь — кризис — новая жизнь»²⁴. В статье «Функция агиографии в романах Достоевского» он сопоставляет характеры двух персонажей Достоевского — Родиона Раскольникова и Алеши Карамазова, — показывая, что их жизненный путь связан с агиографической сюжетной схемой, которая была обнаружена Бёртнесом в предыдущей главе²⁵. Делается вывод, что два несхожих героя Достоевского имеют общий аллюзивный адрес в житийном каноне «судьбы святого».

В трех статьях своего «английского» сборника Бёртнес сосредоточивает внимание на противоречивых чертах, характеризующих героя романа «Идиот» князя Мышкина, который предстает в концепции исследователя в несколько ином свете, чем это было принято в трудах многих других авторов, например Хьетсо. В статье «Мужское гомоэротическое желание в „Идиоте“»²⁶ Бёртнес рассматривает треугольник «Мышкин — Настасья Филипповна — Рогожин» в свете теории

---

²⁰ Børtnes J. Vision of Glory. Studies in Early Russian Hagiography // Slavica Norvegica. 1988. Vol. 5.

²¹ Børtnes J. Aljosa og det nye liv // Edda. 1968. N 1 (68). P. 8–16.

²² Børtnes J. Polyfoni og karneval. Essays om litteratur. Oslo, 1993. 301 p.

²³ Børtnes J. The Poetry of Prose. Readings in Russian Literature // Slavica Bergensia. 2007. Vol. 8. 211 p.

²⁴ Børtnes J. Polyfoni og karneval. P. 52–89.

²⁵ Ibid. P. 90–96.

²⁶ Børtnes J. The Poetry of Prose. P. 137–151.

Р. Жирара об «опосредованном желании», а в двух остальных, «Дураки у Достоевского — святые и несвятые»²⁷ и «„Идиот“ Достоевского и поэтика пустоты»²⁸ он подвергает развернутой критике известный взгляд на Мышкина как «святого» или даже как своего рода представителя Христа. Соотнося сюжетную репрезентацию Мышкина, сформулированную Достоевским, с религиозно-философскими дискуссиями о Христе, которых было столь много на протяжении всего XIX в., Бёртнес делает вывод, что в характере князя Мышкина заключена мысль о несостоятельности известной трактовки Христа как «идеального человека», лишённого трансцендентального основания. Согласно мысли исследователя, юродство Мышкина лишено оправдания типа «Христа ради», т. е. не связано с религиозным подвигом, поэтому Бёртнес делает вывод о формулировании Достоевским идеи «ложного Христа» (*mock-Christ*)²⁹.

Аналитическое изучение романа «Идиот» находится в центре внимания исследователя потому, что это произведение предоставляет превосходный материал для философско-эстетических рассуждений о месте христианского идеала в мировоззрении и художественном мире Достоевского. Другим произведением писателя, дающим материал такого рода и постоянно находящимся в центре внимания исследователя, является роман «Братья Карамазовы». В статье «Полифония в „Братьях Карамазовых“». Тема с вариациями»³⁰ он анализирует «большие романы» Достоевского, активно привлекая к своей работе теоретическое наследие М. М. Бахтина.

В данной статье Бёртнес находит добавочные аргументы в пользу концепции Бахтина об особой «многоголосности» романов Достоевского, недооцененной, по его мнению, некоторыми литературоведами, а также критически осмысляет ее, уточняет и развивает основную мысль. Цель своего исследования он определяет следующими словами, в которых нетрудно обнаружить сходство с воззрениями Фастинга: «заново определить образ Христа у Достоевского как „порождающую модель“ его полифонического романа»³¹.

Согласно логике, обнаруженной исследователем в «Братьях Карамазовых», бесы стремятся туда, где более всего очевидно действие Духа Святого. Деятельности этой негативной силы Достоевский посвящает роман «Бесы», и это тема последней из статей Бёртнеса о Достоевском в сборнике «Поэтика прозы»: «Последнее заблуждение в бесконечной очереди заблуждений. Ставрогин и символическая структура „Бесов“»³². Основное внимание в этой работе автор уделяет

²⁷ Ibid. P. 109–125.

²⁸ Ibid. P. 126–136.

²⁹ Ibid. P. 124.

³⁰ Ibid. P. 97–108.

³¹ Ibid. P. 101.

³² Ibid. P. 152–165.

феноменологии идолопоклонства, разрабатываемой и практически внедряемой Петром Верховенским и его «пятеркой» по отношению к Николаю Ставрогину, который, в свою очередь, находится внутри парадигмы идолопоклонства следующего уровня, с обратным знаком, в старшем поколении — матери Николая Ставрогина по отношению к отцу Петра Верховенского, Степану Трофимовичу. Автор показывает этическую и онтологическую пустоту бесовства, основанного на формировании «кумира», что по своему смыслу близко к трактовке образа князя Мышкина в концепциях Бёртнеса.

Изыщными логическими конструкциями, которые Бёртнес вычлняет из произведений Достоевского, уточняются и расширяются смыслы, которые вкладывал Достоевский в свои произведения. В ряде случаев Бёртнес предлагает нам парадоксальные трактовки, которые кажутся не объяснением, но заменой идее писателя. Но и эти спорные концепции всегда являются результатом глубокого анализа произведений Достоевского, который основан на применении адекватных исследовательских методов и на незаурядной литературной и историко-культурной компетентности автора.

В конце прошлого века в Норвегии были опубликованы две книги о Достоевском. Первая из них, «Достоевский. Писатель в поисках формы»³³, написана Эгебергом, в 1977–2011 гг. — профессором университета Тромсё. В этой работе предпринята попытка выявить в творческом пути Достоевского зарождение и генезис того специфического варианта романного жанра, который был окончательно выработан писателем к концу 1880-х гг. Особое внимание в исследовании уделяется произведениям 1850-х — первой половины 1860-х гг.

Последняя по времени книга о Достоевском, изданная в Норвегии, написана журналистом Петером Норманном Воге (Peter Normann Waage, род. 1953), автором ряда книг по вопросам истории культуры, в том числе магистерской диссертации «Невидимый материк. Владимир Соловьев как философ Европы»³⁴. Свою книгу о Достоевском³⁵ Воге характеризует не как биографию, но как «эссе», цель которого — познакомить «с Достоевским читателя, проявляющего интерес к его творчеству»³⁶. Книга привлекает читателя живой, увлекательной манерой изложения, а также попыткой объединить в одно целое факты из жизни писателя с философскими выводами из его произведений. Чисто литературоведческий аспект — изучение поэтики Достоевского — исследователь оставляет в стороне. Таким

---

³³ *Egeberg E. Dostojevskij: en dikter søker sin form. Oslo: Vidarforlagets kulturbibliotek, 1995. 189 p.*

³⁴ *Waage N.P. Det usynlige kontinent. Vladimir Solovjov som Europas filosof. Oslo, 1988.*

³⁵ *Waage N.P. Fjodor M. Dostojevskij. Oslo, 1997. 259 p.; русский перевод: Воге П. Н. Достоевский. Свержение идолов. СПб., 2003. 255 с.*

³⁶ *Waage N.P. Fjodor M. Dostojevskij. P. 7.*

образом, в книге Воге мы встречаем обсуждение тех же самых вопросов, что и в работах Хьетсо, Фастинга, Бёртнеса, однако обнаруживаем иные приоритеты и иной взгляд на писателя. Что касается образа Христа, столь важного для понимания идеологии Достоевского, Воге не раз подчеркивает его значение в роли существенной морально-психологической опоры человека, однако трактовка им характера князя Мышкина отличается от предложенной, например, Бёртнесом. Согласно мнению Воге, Мышкину «не хватает не столько божественной святости и милосердия, сколько земной, по-человечески двусмысленной жизненности»³⁷. Последний роман Достоевского, «Братья Карамазовы», предоставляет Воге особенно большие возможности для истолкования различных форм проявления идеологии Достоевского. Выполняя эту задачу, он обращается к философии Вл. Соловьева, применяя выразительный метафорический стиль: «Братья Карамазовы» уподобляются большому готическому кафедральному собору. Такое сравнение, как известно, не ново, об этом еще в 1920-е гг. писал А. В. Луначарский.

В 1970–1980-е гг. группой молодых литературоведов, учеников Крага, был опубликован ряд сборников статей о русской литературе, два из них посвящены творчеству Достоевского. В первый — «Роман Достоевского о Раскольнике»³⁸ — вошли тринадцать статей, среди которых «Достоевский и загадка Раскольникова» Крага, «Раскольников и Свидригайлов» А. Д. Перминова, «Сновидения и галлюцинации в „Преступлении и наказании“» Эгеберга и др. Второй сборник — «Вдоль и поперек по миру Достоевского»³⁹ — содержит одиннадцать статей по разным вопросам, связанным с отдельными произведениями или с творчеством писателя в целом: например, «Христология и роман — некоторые проблемы поэтики Достоевского» Бёртнеса, «Мечтатель у Достоевского» Хьетсо, «Николай Ставрогин и трагедия беспочвенности» С. Гиля и др.

Следует отметить, что ученые, выпустившие в свет монографии и сборники своих работ, как правило, подытоживают в них результаты своих прежних исследований. Но наряду с такими книгами существуют и разбросанные по разным изданиям научные работы, которые представляют новые концепции и подходы к изучению творчества Достоевского. Среди них: «Чаадаев и Достоевский. Элементы христоцентрической философии истории» Гуннара Опейде (Gunnar Opeide)⁴⁰,

³⁷ Ibid. P. 169.

³⁸ Dostojevskijs roman om Raskolnikov. En artikkelsamling om «Forbrytelse og straff» / Under redaksjon av G. Kjetsaa. Oslo, 1973. 178 p.

³⁹ Streiftog i Dostojevskijs verden. En artikkelsamling / Under redaksjon av E. Egeberg, S. Fasting, G. Kjetsaa og A. D. Perminow. Oslo, 1982. 233 p.

⁴⁰ Opeide G. Чаадаев and Dostoievskij. Elements of a Christocentric Philosophy of History // Life and Text. Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday / Eds. E. Egeberg, A. J. Mørch, O. M. Selberg. Oslo: Universitetet i Oslo, 1997.

«„Я гораздо умнее написанного“». Об апофатических стратегиях и словесных экспериментах у Достоевского» Ингунн Лунде (Ingunn Lunde)⁴¹.

Говоря об изданиях, связанных с изучением творчества Достоевского в Норвегии, нельзя не упомянуть о том, что в 1990–1994 гг. издательством «Солум» было опубликовано полное собрание сочинений Достоевского на норвежском языке, насчитывающее двадцать девять томов, десять из которых переведены Хьетсо. В это издание входят не только все художественные произведения, но и «Дневник писателя» и значительный подбор писем (два тома); помимо текстов Достоевского, тома содержат вводные статьи о конкретных произведениях.

Итак, при первых подступах норвежской филологии к изучению жизни и творчества Достоевского в центре внимания оказались его ранние выступления на литературном поприще. Далее исследователи перешли к «большим» романам писателя, изучению его литературно-философских взглядов в целом и в связи с отдельными произведениями или всем корпусом его текстов.

Что касается восприятия творчества Достоевского норвежскими писателями и литературными критиками, лучшим описанием этого восприятия можно считать небольшую книгу Мартина Нага (Martin Nag, род. 1927) «Становление репутации Достоевского в Норвегии»⁴², в которой собраны высказывания ряда норвежских деятелей культуры о сочинениях и личности русского писателя. Впоследствии им были опубликованы специальные исследования влияния Достоевского на творчество писателей К. Гамсуна⁴³ и С. Обстфельдера⁴⁴.

* * *

Если сосредоточенное исследование жизни и творчества Достоевского можно назвать приоритетным занятием норвежских литературоведов-русистов, то в Дании обстановка иная, за последние сорок-пятьдесят лет Достоевскому посвящено относительно мало исследовательских трудов.

Важную роль в деле популяризации творчества Достоевского в Дании сыграл инженер Эйнар Томассен (Ejnar Thomassen, 1881–1977). В 1909–1914 гг. он жил и работал в России, а в 1920-е гг. приступил к переводу сочинений Достоевского на датский язык. В 1965–1966 гг. вышло двадцатичетырехтомное издание переводов, сделанных Томассеном,

---

⁴¹ Lunde I. «Ja gorazdo umnee napisannogo». On Apophatic Strategies and Verbal Experiments in Dostoevsky's «A Raw Youth» // Slavonic and East European Review. 2001. Vol. 79. N 2. P. 264–289.

⁴² Nag M. Dostojevskijs gjennombrudd i Norge. Oslo: Universitetet i Oslo, 1977. 54 p.

⁴³ Nag M. Hamsun og Dostojevskij // Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk avdeling. Meddelelser. 1993. N 93. 72 p.

⁴⁴ Nag M. Obstfelder og Dostojevskij. Studier i intertekstualitet // Universitetet i Oslo. Slavisk-baltisk avdeling. 1995. N 95. 57 p.

куда вошли художественные произведения и публицистика русского писателя. Это издание пользовалось широкой популярностью и в Норвегии, особенно до появления в 1990-е гг. упомянутого выше норвежского полного собрания сочинений Достоевского. Томассен не ограничился переводом творений русского писателя, живой интерес к русской культуре побудил его к написанию книги об истории русской литературы и о биографии Достоевского⁴⁵, в которой драматичная жизнь писателя изображена в самых ярких красках. Причем Томассен предупреждает своих читателей о том, что пишет не литературоведческое исследование, но биографию писателя. В его книге мало говорится о произведениях Достоевского, зато большое внимание уделяется становлению его личности, его взглядов на мир, человека и общество.

До известной степени такая характеристика подходит и к исследованиям, проведенным близким другом Томассена, богословом Кнудом Хансеном (Knud Hansen, 1898–1996), автором монографии «Достоевский»⁴⁶. В предисловии Хансен подчеркивает, что книга «не предусматривает доскональное истолкование визионерского аспекта в творчестве Достоевского, но является лишь изложением читательского опыта человека, не обладающего специальными литературно-эстетическими познаниями»⁴⁷. Это высказывание показывает, что Хансен не стремится к объективности, в его методе синтетическое начало явно преобладает над аналитическим. В этом труде обрисована картина мировоззрения и идеологии Достоевского, сходная с той, которую мы обнаруживаем у большинства других исследователей, но, в отличие от более сжатых научных изложений, у Хансена мы находим множество больших цитат (в переводе Томассена), а также вторичных переложений, связующих утверждения автора с той первоосновой, на которой они базируются.

Среди датских литературоведов-славистов, занимавшихся изучением творчества Достоевского, первым упомянем имя Адольфа Стендер-Петерсена (Adolf Stender-Petersen, 1893–1953), который был с 1941 г. профессором Орхусского университета. В изданной им трехтомной «Истории русской литературы» он определил специфику литературно-эстетических взглядов Достоевского при помощи термина «психологический реализм», объясняя его отличие от «сатирического реализма» Салтыкова-Щедрина и «поэтического реализма» Тургенева⁴⁸. Это определение не значит, что Стендер-Петерсен занимает только аспект психологизма в произведениях Достоевского. Напротив, главы его «Истории», посвященные творчеству Достоевского⁴⁹, содержат целый ряд

---

⁴⁵ *Thomassen E. Dostojevskij. En Livsskildring. København, 1940. 274 p.* Издано в Осло на норвежском языке в 1947 г.

⁴⁶ *Hansen K. Dostojevskij. København, 1973. 467 p.*

⁴⁷ *Ibid. P. 7.*

⁴⁸ *Stender-Petersen A. Den russiske litteraturs historie. København, 1952.* Переиздано на немецком языке в 1967 г.

⁴⁹ *Ibid. T. 3. P. 67–89.*

точных наблюдений о поэтическом языке писателя, а также описание применяемых им художественных приемов, причем особое значение приписывается феномену «катастрофы» в построении сюжета. Подчеркивается также прием сочетаемости противоречивых элементов в литературном портрете персонажа, а также в построении композиции романов и в «идеологической системе» Достоевского, которого Стендер-Петерсен называет «исполинского размера ироником и создателем парадоксов». Рассчитывая на читателя, хорошо знакомого с творчеством Достоевского, исследователь не утруждает себя большим числом цитат и ссылок, в результате чего ему удается в тесных рамках двадцати страниц создать достаточно полную характеристику Достоевского как художника слова.

Несколько подробнее рассматривает ряд аспектов жизни и творчества Достоевского Карл Стиф (Carl Stief, 1914–1998), в 1954–1984 гг. профессор Копенгагенского университета, один из членов-основателей и вице-президентов IDS. Его исследование «Русский нигилизм»⁵⁰ опирается не только на произведения Достоевского, тем не менее оно касается вопросов, важных для понимания интеллектуальной среды, в которой вращался Достоевский и с которой он боролся. Вторая книга Стифа — «Контрасты и связи»⁵¹ — содержит три статьи, написанные в жанре эссе. В первой из них автор рассматривает разные аспекты спора М. Горького с Достоевским и его наследием относительно значения страдания в жизни человека. По мнению Стифа, обратной стороной неприятия Горьким страдания и смирения является возвеличение гордого и сильного человека, оставившее свой отпечаток на эстетике (и этике) социалистического реализма. В своей второй работе Стиф исследует то, как Достоевский изображает рациональный подход к жизни («по уму», по теории, по расписанию) в сравнении с интуитивной «живой жизнью» у ряда других писателей — Толстого, Достоевского, Замятина, Пастернака, Солженицына. «Живая жизнь» у каждого из них имеет свою особую окраску: у Достоевского — религиозную, у Толстого — первобытно-животную и т. д.

Заключительное эссе в книге названо «Тургенев в романе Достоевского „Бесы“», на самом же деле исследование посвящено изучению отношений двух писателей от первой их встречи вплоть до последнего высказывания Тургенева о своем коллеге и сопернике по перу. Если сравнить эти три работы Стифа, являющиеся интерпретацией произведений Достоевского, с другими работами, современными и более ранними, то можно лучше понять некоторые черты личности Достоевского и особенности его произведений, не столь очевидно вы-

---

⁵⁰ Stief C. Den russiske nihilism. Baggrunden for Dostoevskijs roman «De besatte». København, 1969. 204 p.

⁵¹ Stief C. Kontraster og sammenhænge. Tre studier i russisk litteratur. København, 1976. 66 p.

ступающие в обыкновенных биографиях, и получить притом ряд достаточно органичных описаний разных сторон русской культуры.

Эйгил Стеффенсен (Eigil Steffensen, 1927–2011), профессор университетов в Оденсе и Копенгагене, известен тем, что в 1970 г. читал серию лекций о великих романах Достоевского по датскому радио; в следующем году эти лекции в переработанном виде вышли отдельной книгой⁵². Научная общественность Дании признала за Стеффенсеном, в 1967 г. защитившим диссертацию о Гоголе, точность мысли и умение в сжатой форме передавать сложное содержание литературного произведения.

Книга Пребена Виллядсена (Preben Villadsen, род. в 1946) «Подпольный человек и Раскольников», вышедшая в свет в 1981 г.⁵³, является попыткой выявить параллели в личностном развитии двух названных литературных героев и тем самым объяснить трагическую коллизию, образующую сюжеты «Записок из подполья» и «Преступления и наказания». Разумеется, Раскольников и «подпольный человек» являются героями произведений, принадлежащих к разным литературным жанрам. В своем исследовании Виллядсен не уделяет этому обстоятельству особого внимания; зато Тине Роэсен (Tine Roesen, род. в 1967) в своей неопубликованной докторской диссертации «Раненые искусства»⁵⁴ сосредоточивает свой интерес как раз на жанровой специфике докторжных сочинений Достоевского. В итоге выясняется, что термины «роман», «повесть», «рассказ» — не просто случайные ярлыки, но сигналы, указывающие на определенное отношение рассказчика к повествованию. Подробный анализ отдельных произведений (не только ранних) дан исследователем в целом ряде работ.

Подобно норвежскому достоеведению, датская наука о литературе также обладает «своей» особой темой, а именно: «Достоевский и Сёрен Кьеркегор». Будучи современниками, эти два выдающихся писателя и философа не знали о существовании друг друга, однако в их мировоззрениях можно увидеть немало точек соприкосновения. Этой темой особенно активно занимается Алексей Фришман (род. в 1951), представляющий резюме своих исследований в статье «Достоевский и Кьеркегор: Диалог и молчание»⁵⁵.

В заключение следует указать на исследовательскую работу, стоящую немного особняком в скандинавской славистике, а именно: на статью Петера Алберга Йенсена (Peter Alberg Jensen, род. в 1943), с 1984 г. профессора Стокгольмского университета, датчанина и выпускника Копенгагенского университета. В его работе «Фикциональность

⁵² Steffensen E. Dostojevskijs store romaner. København, 1971. 91 p.

⁵³ Villadsen P. The Underground Man and Raskolnikov. A Comparative Study. Odense: Odense University Press, 1981. 159 p.

⁵⁴ Roesen T. Casualties of Art. Narrators, Stories and Kinds of Addressivity in Dostoevsky's Early Works (1846–1849). Copenhagen, 2000. 182 p.

⁵⁵ Scando-Slavica. 1993. Vol. 39. P. 107–121.

Достоевского — и фикциональность языка»⁵⁶, посвященной формату нарратива писателя, содержится наблюдение, что в произведениях Достоевского фабульная «история» передается читателю опосредованно — через слухи, реплики рассказчика, случайные мнения того или другого персонажа. В последней части своей статьи автор применяет эту концепцию к анализу «Братьев Карамазовых», утверждая, что если в авторе предисловия видеть не самого Достоевского, а созданного им фиктивного повествователя и, принимая за правду слова этого персонажа о своем «романе», рассматривать всё последующее именно как роман этого анонима, то снимаются все проблемы, возникающие при ином чтении произведения.

---

⁵⁶ *Jensen P.A. Dostojevskij's fikcionalitet — og sprogets // Svantevit. 1999. Vol. 20. N 2. P. 7–30. См. также: Йенсен П. А. Появление из ничего... кроме слов. Заметки о фикциональности Достоевского // Поэтика, история литературы, лингвистика. Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 169–176.*